

комства и последующих встреч, чем больше я о них вспоминал, приобретали какой-то многозначительный, почти мистический смысл.

Впервые я услышал о Завальнюке от отца, который был молчаливым посетителем городских литературных встреч и вечеров. С этих же своих школьных лет я узнал о Марке Гофмане и чаще всего встречался с ним около центрального книжного на Ленина.

С его дочерью Ритой Гофман мы стали знакомы с её первых, а моих последних студенческих лет, ещё некоторое время работали вместе на одной кафедре в мединституте. Все эти годы я многократно слышал о «дяде Лёне», потом, в один из его приездов из Москвы, мы организовали встречу наших студентов с поэтом в общежитии. Слушали стихи, задавали вопросы, по ночному городу провожали до дома его старых друзей Гофманов. Он был немногословен, будто старался уйти в

тень. Потом я понял, что это была тень его стихов. Возможно, стихи казались ему самым интересным обстоятельством собственной жизни.

Во все наши последующие встречи я только утверждался в этой мысли, утверждался и во время его публичных выступлений, и во время скромных писательских застолий.

И там, и там возникали вопросы, связанные с его поэмой «Осень в Благовещенске». Он отвечал односложно, потом я узнал, что он не любил её. Трудно сказать – почему. Когда мне пришла очередь писать поэму о городе, я выбрал то же название и вообще постарался обозначить присутствие поэта Завальнюка в этой поэтической прогулке по осеннему Благовещенску. Как, может быть, кто-то попытается потом увидеть и моё незримое присутствие на этих золотых осенних уликах. Улицах города, который нам повезло любить.

Валерий ЧЕРКЕСОВ

член Союза писателей России

КЛЮЧ ОТ БЕССМЕРТЬЯ НЕ ДОБЫТЬ...

Запись в моём дорожном дневнике: «19 сентября 2010 года. Поезд «Москва – Благовещенск». Читаю книгу Завальнюка «Планета Зет». Что это: случайность или невероятная закономерность? В октябре Леониду Андреевичу 80 лет, и я получил от него сборник».

Да, такое произошло. Книгу на вокзале в столице мне вручил Григорий Петрович Кушнарёв. Уроженец Белогорска, он много лет работал в издательстве «Молодая гвардия», был знаком с Завальнюком, который и передал ему «Планету Зет» для меня. Дарственные слова и, конечно же, стихи новые и те, которые я давно знал, волновали, вызвали воспоминания о наших встречах в Благовещенске и Москве. Их было немного, но каждая осталась в памяти. Леонид Андреевич был первым настоящим поэтом, которого я увидел в теперь уже далёкой молодости, с которым познакомился; его стихи, если можно так сказать, подвигли меня на серьёзное сочинительство, я их помню до сих пор:

Снова стихами повеяло
От молодой травы.
Я каждому слову поверю,
Которое скажете вы,
Поверю, что вы наступаете
По руслам новых дорог,
Прочтите мне только по памяти
Десяток хороших строк.

Шесть суток за окнами вагона пролетала осень – любимая пора Леонида Андреевича, недаром он в это время года часто приезжал в Благовещенск. Как он писал: «Где дом друзей – там родина моя». Одна из его поэм называется «Осень на Амуре», у него много стихов с осенними приметами.

Интонация новой книги была созвучна моему настроению. Несколько раз я перечитывал такое стихотворение:

Мне чужды поля, которые я знал,
Какой-то лес вдали, дома за косогором...
А за миллионы лет до них –
Рожденья моего вокзал,
Где был я высажен утрюмым контролёром.
Куда-то жизнь меня не довезла,
В какие-то края совсем другие.
Не оттого ль порою ностальгия
Отодвигает все заботы и дела?
Не оттого ль порой, бывшее сокрушая,
Минуя все дома и города,
Я в сотнях поездов куда-то уезжаю
И сам с собой прощаюсь навсегда?..

Почему-то, читая книгу, вспомнил высказывание Иосифа Бродского по поводу одного поэта, мол, если из стихов этого автора изъять его биографию, то в них ниче-

го не останется. Но зачем изымать биографию? Ведь русская поэзия всегда была исповедальной, а исповедует человек чаще всего о своём, о сокровенном. Пушкин, Лермонтов, Блок, Есенин, Ахматова, Рубцов, Юрий Кузнецов... Судьба поэта становится и судьбой читателя – вот чем притягательна поэзия. Этим отличаются и стихи Леонида Завальнюка:

Была пора отлёта птиц и поздней молотбы.
День догорал, по грудь в осоке стоя.
И чувство странное,
До ужаса простое,
Вошло впервые в кровь моей судьбы...

Как будто обо мне сказано. Я читал автобиографическое повествование «Избранные места из переписки с самим собой» и словно возвращался в Благовещенск моей молодости, разговаривал с Марком Либеровичем Гофманом, который в «Избранных местах...» запечатлён под именем Сирано, с Абрамом Григорьевичем Ривлиным (с ним Леонид Андреевич дружил, а я под его началом работал в «Амурской правде»), прогуливался по улице имени Калинина, на которой когда-то стояла

«завальнюшка»... Запомнились и слова поэта, что «вдохновение даётся не даром, а обязательно за труд, за работу разума». Собственно, я тоже так думаю, но Завальнюк эту мысль, так сказать, сформулировал.

В Белгород из Приамурья я вернулся в середине октября. Приближалось 80-летие Завальнюка. Я написал о нём и его творчестве статью под названием «Поэт, которого я люблю», напечатал её в областной газете «Смена», в редакции которой работаю, а когда номер вышел, отправил экземпляр Леониду Андреевичу. Надеюсь, газета дошла до адресата, поэт её прочитал и публикация его порадовала. Это был мой поклон поэту. Я не мог предположить, что последний...

Сборник «Планета Зет» завершается стихотворением «Фрагмент молитвы». Вот его последние строки:

Но мне при всём желании жить
Ключ от бессмертья не добыть.
Так мир устроен: не добыть,
Один я это не осилю.

Сегодня они воспринимаются как провидческие, как пророческие.

СТУДЕНТЫ ЧИТАЮТ СТИХИ Л. ЗАВАЛЬНЮКА

Ксения ПОТЕХИНА

Проникающее ранение в сердце

Читая стихотворения Л. Завальнюка, о многом задумываешься. Читаешь и будто становишься старше, открываешь в себе что-то новое.

Особенно взволновало меня стихотворение «Журавли кричат» – пронзительное, печальное, можно сказать, трагическое. Но как светло становится на душе от него! Особенно от этих вот строк:

...Я осенний, как и многие из нас,
Как и многие среди мира моего,
Кто в бегах, иль павши на колени,
Что бы ни просили, просят одного:
Господи, пошли мне просветленья!
Радости пошли, пусть горькой, но живой.

Как коротко написано, но как много сказано! Проникающее ранение в сердце. Чего ещё хотеть одинокому человеку, как не «горькой радости». Она, конечно, не предел мечтаний, но всё же – мечта. Пока мы умеем мечтать – мы люди, как только перестаём – жалкая пародия. В повседневной гонке за мнимыми ценностями забываем о простых человеческих чувствах, причиняем боль тем, кто рядом. Мы стали жестокими, бездушными. А всё, что нам надо, – знать, что «мир не злая шутка», что добро и зло, любовь и ненависть рядом, и выбор за каждым из нас.